

Кротова Анна Андреевна

**КРЫМСКИЙ ТЕКСТ В СБОРНИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА "ПУТЬ" (1928)**

Крымский текст занимает значительное место в поэтическом наследии Н. Н. Туроверова - белого офицера, донского казака-эмигранта первой волны. В статье изучаются особенности формирования крымского текста в первом сборнике стихов Н. Н. Туроверова "Путь" (1928). Материалом для статьи послужили крымские стихотворения, вошедшие в этот сборник: "Крым", "Отплытие" и "Перекоп". Автор подробно анализирует эти произведения, изучает их поэтику, выявляет культурно-исторические предпосылки возникновения крымского текста в творчестве Н. Н. Туроверова.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/6.html](http://www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/6.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 25-28. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/](http://www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

9. **Никольский Н. В.** Краткий чувашско-русский словарь. Казань: Центральная типография, 1919. 336 с.
10. **Федотов М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. Т. 1. А-Р. 470 с.
11. **Чăваш халăх сăмахлăхĕ:** 6 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. Т. 3. Юрăсем. 511 с.
12. **Чăваш халăх сăмахлăхĕ:** 6 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. Т. 5. Вак жанрсем. 352 с.
13. **Чăваш халăх сăмахлăхĕ:** 6 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. Т. 6. Мифсемпе халапсем. 448 с.

#### THE TRADITIONAL IDEAS OF THE CHUVASH PEOPLE ABOUT FOLKLORE CHARACTER INKEK

**И'ina Galina Gennad'evna**, Ph. D. in Philology  
**Myshkina Al'bina Fedorovna**, Doctor in Philology, Associate Professor  
*Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary*  
*galil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru*

Recently in the periodical press the articles, which are not always of a scientific nature, about the traditional beliefs of the Chuvash people, the ancient Chuvash pantheon and pandemonium have regularly appeared. In this connection, the authors think that the study of the conventional characters of the lower world in the Chuvash oral poetic creativity is very relevant. Within the framework of this research, the specific problem on the mystical and mythological ideas of the Chuvash people about the folklore character Inkek is covered.

*Key words and phrases:* mythological character; folklore character; malicious actions; exorcism rituals; loci; appearance.

УДК 821.161.1

*Крымский текст занимает значительное место в поэтическом наследии Н. Н. Туроверова – белого офицера, донского казака-эмигранта первой волны. В статье изучаются особенности формирования крымского текста в первом сборнике стихов Н. Н. Туроверова «Путь» (1928). Материалом для статьи послужили крымские стихотворения, вошедшие в этот сборник: «Крым», «Отплытие» и «Перекоп». Автор подробно анализирует эти произведения, изучает их поэтику, выявляет культурно-исторические предпосылки возникновения крымского текста в творчестве Н. Н. Туроверова.*

*Ключевые слова и фразы:* Крым; крымский текст; Н. Н. Туроверов; поэтика; лирический герой; эмиграция; литература русского зарубежья; донское казачество.

**Кротова Анна Андреевна**  
*Московский педагогический государственный университет*  
*phaelivrin@mail.ru*

#### КРЫМСКИЙ ТЕКСТ В СБОРНИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА «ПУТЬ» (1928)

На крымской земле развернулись самые трагичные для Белого движения события. Н. Н. Туроверов, будучи очевидцем крушения дореволюционного русского мира, отразил эту катастрофу исторически достоверно и поэтически ярко. Крымский текст лирики Н. Н. Туроверова воспроизводит события, коренным образом изменившие жизнь поэта и, несомненно, оказавшие колоссальное влияние на его творчество.

Термин «крымский текст» изучается в трудах А. П. Люсого, который доказывает, что на основе мифа Тавриды зародился «крымский текст»: «южный полюс петербургского литературного мифа» [4, с. 3]. Учёный прослеживает формирование «крымского текста» от истоков (возникновения в русской литературе крымской темы – «Корсунская легенда» о походе Киевского князя Владимира на Херсонес) до «поэтического Колумба»<sup>1</sup> Тавриды С. С. Боброва, творчества К. Батюшкова, А. С. Пушкина и др. поэтов XIX в. и «пушкиноборчества»<sup>2</sup> символистов. Крымский текст в творчестве писателей и поэтов-эмигрантов отличается ярко выраженной трагичностью, так как полуостров стал для многих из них последним пристанищем перед вынужденной эвакуацией. Упомянув некоторые стихотворения поэтов-эмигрантов, А. Люсий обращает внимание на мотив прощания как преобладающий.

Исследователи выявляли художественные особенности крымского текста, представленные в поэзии эмигрантов первой волны. Не осталось без внимания и творчество Н. Н. Туроверова. Так, Н. Б. Лапаева в статье «Мотив ухода из Крыма в поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов» рассматривает семантический и аксиологический аспекты мотива «ухода из Крыма» в творчестве Н. Н. Туроверова, Б. Поплавского, В. Смоленского и др. В поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов исследователь выявляет «существование «крымского дискурса»» [3], ядро которого образуют мотивы памяти, потери родины, расставания. В статье «Крымский топос в творчестве Николая Туроверова и Ивана Савина» З. Дубинец отмечает, что «в творчестве

<sup>1</sup> Выражение А. С. Люсого.

<sup>2</sup> Термин А. С. Люсого.

Николая Туроверова и Ивана Савина художественное осмысление Крыма как топоса связано с войной, гибелью, смертью» [2, с. 9].

А. В. Науменко-Порохина в статье «Крымские мотивы в лирике Н. Н. Туроверова 20-х годов (сборник «Путь» – Париж, 1928 г.)» анализирует произведения «Крым», «Перекоп», стихотворение «Отплытие». Автор изучает особенности их поэтики, отмечает, что поэт «скупыми, точными, емкими мазками мастерски запечатлел поистине эпохальный социально-экономический, политический и духовный сдвиг в России 20-х годов 20-го столетия» [5, с. 263].

С. И. Афанасьева в диссертации «Концепт “дом” в русской лирике первой волны эмиграции: крымский дискурс» изучает специфику реализации концепта «дом» в крымском дискурсе. По мнению исследователя, Крым в лирике Н. Н. Туроверова ассоциируется с войной, гибелью, расставанием с Россией, приобретая черты «анти-дома». По определению Афанасьевой, «субконцепт “Крым” как составляющая концепта “Родина/Россия” в художественной картине мира Н. Н. Туроверова – это временное жилище, походный дом, убежище» [1, с. 140].

Тема Крыма, как отмечено, появляется уже в первом изданном в Париже сборнике Н. Н. Туроверова «Путь» (1928). В произведениях, написанных под впечатлением событий, происходивших в Крыму на заключительном этапе Гражданской войны («Крым», «Перекоп», «Отплытие»), крымский текст представлен разными гранями. В более позднем творчестве поэт будет вновь и вновь обращаться к крымской теме («В эту ночь мы ушли от погони...» (1931), «В огне все было и в дыму...» (1938), «Уходили мы из Крыма» (1940), «Мы ничего ни у кого не просим...» (1950)), расширяя и наполняя крымский текст всё новыми и новыми поэтически осмысленными реалиями.

Стихотворение «Крым» датировано трагическим для всего Белого движения и, конечно, Н. Н. Туроверова 1920-м годом и отражает душевное состояние лирического героя, воевавшего в рядах Белой армии и после её поражения осознавшего, что ему предстоит тяжёлая разлука с Родиной.

Экспозиция первой части произведения «Крым» – неспешное перемещение казаков июльским знойным днём. Реальная картина противопоставлена картине воображаемой, народно-песенной: «А казаки поют, что где-то есть поля, / И косяки кобыл, и вольные станицы» [7, с. 307].

Н. Н. Туроверов отлично знал и высоко ценил казачий фольклор. Вдали от дома казаки *поют*; через песню они душевно воссоединяются с родным краем. В оппозиции концептов «горы – поля» проявляется чужеродность крымской земли казакам: в поле (а точнее – в *стени*) на коне *волен* казак; в знойном же Крыму скована, окольцована его удаль вереницами «далеких» гор. Песня уводит лирического героя в мир дома, вольных станиц. В отсутствии динамики в повествовании выражено душевное оцепенение, бессилие и усталость казаков, уже простившихся с малой Родиной и теперь предчувствующих расставание со всей Россией.

Вторая часть произведения «Крым» отличается ярко выраженной философичностью: перед лирическим героем открывается картина бухт с «серыми кораблями» и, созерцая её, он предаётся размышлениям о мимолётном настоящем и непреходящем вечном: «Огни стремительной эпохи / Над древней скукою камней» [Там же]. В ранее застывшее повествование врываются огни стремительной эпохи перемен, которые противопоставляются «древней скуке камней». Отстраненность лирического героя возрастает и достигает апогея: стороны не молодой казак-воин пишет эти строки, а умудренный жизнью и предавшийся скуке старец со стороны наблюдает за «бегомдушных, летних дней», «вещими сполохами огней на взморье». Приём антитезы («синий шёлк» – «корявые заплаты», «стремительная эпоха» – «древняя скука камней») усиливает философскую направленность стихотворения, передаёт отстраненность, отчужденность лирического героя.

Крым в следующей части стихотворения предстаёт перед читателем как перекрестье различных, веками сосуществующих культур: в тексте появляются реалии исламской культуры (ханский дворец, минарет, муэдзин). Скука, выраженная во второй части, нарастает и превращается в третьей части в тоску, которой, по мнению лирического героя, муэдзин «благословляет» новый день: «И муэдзин тоской благословил наш день» [Там же, с. 308]. Голос муэдзина вторит его (лирического героя) собственному эмоциональному состоянию; эта тоска порождена бессилием, отсутствием возможности изменить трагическую ситуацию, в которой он оказывается, страхом перед неизвестностью, утомлённостью и усталостью. Но, несмотря на тяготы жизни, лирический герой не падает духом, верит в высшую гармонию, миропорядок. Именно поэтому новый день, каким бы безнадежным он ни казался, всё-таки «благословлён» муэдзином. Внутреннее стремление лирического героя к гармонии и её поиск в окружающем мире выражены также в образе «любимого поэта» – А. С. Пушкина, лик которого отражается в «глубоком водоёме». Глубокий водоём – потенциально опасное пространство, возможно, таящее в себе угрозу. Этот образ символичен: будущее, подобно глубоким водам, таит в себе неизвестность, пугает. Но в этих водах лирический герой видит знакомый «клик» любимого поэта, который воплощает собой мировую гармонию. В стихотворении Н. Н. Туроверова реалии исламской культуры не связаны с романтическими канонами: поэт переживает тяготы и трагедию Гражданской войны, а стены дворца для его лирического героя являются местом душевного успокоения, смирения.

Действие четвёртой, заключительной, части происходит в Бахчисарае: «Мы шли в сухой и пыльной мгле / По раскалённой крымской глине. / Бахчисарай, как хан в седле, / Дремал в глубокой котловине» [Там же]. Эпитеты «сухой», «пыльный», «раскалённый» раскрывают внутренние переживания не только лирического героя, но и всех уходящих («мы шли»). В тексте появляются крымские топонимы: Бахчисарай, Чуфут-Кале. А. М. Ранчин замечает, что «невывисказанная боль еще отчетливее на фоне безмятежно, по-царски (по-хански) вольготно дремлющего Бахчисарая» [6]. Однако, на наш взгляд, нельзя в данном случае говорить о *безмятежности* дремлющего Бахчисарая: всё-таки «хан» находится *в седле*, то есть в состоянии боевой готовности. Этот

образ создаёт тревожное настроение; кажется, что победитель равнодушно смотрит вслед побеждённому, изгнанному из его земель. Трагично и в то же время твёрдо звучат заключительные строки: лирический герой чувствует, что больше не вернётся на Родину: «Я выцарапал на скале: / Двадцатый год – прощай, Россия» [7, с. 308].

Произведение «Крым» состоит из четырех частей, в которых с особым лиризмом запечатлены картины последних дней пребывания разгромленной Русской армии на полуострове. В этом стихотворении отражена трагедия огромного исторического масштаба и каждой человеческой личности.

В произведении «Перекоп» нашли отражение события 1920 года: последние бои Гражданской войны на Перекопском перешейке на границе Крыма. Оно состоит из четырех частей, в которых запечатлены этапы народной катастрофы и личной судьбы отдельного человека: от смутных недобрых предчувствий перед боем до погрузки на пароход, уносящий побеждённых в неизвестность.

Н. Н. Тuroверов посвятил произведение «Родному полку». Эпическое повествование первой части произведения изображает продвижение военных группировок по направлению к Крыму. Русская армия<sup>1</sup> отступала; тревожную атмосферу неопределённости, неизвестности, трагичности происходящего автор показывает через образ смерти: «Кто завтра жребий смертный вынет, / Чей будет труп в снегу лежать? / Молись, молись о дальнем сыне / Перед святой иконой мать!» [Там же, с. 320]. Риторический вопрос предполагает ответ: в снегу может оказаться каждый участник боя. Эмоциональный призыв молиться (высказанный дважды: «молись, молись») перед святой иконой о «дальнем» (находящемся вдали от дома) сыне – напоминание о том, что молитва матери имеет особую силу и может дать незримую поддержку в трудной, угрожающей жизни ситуации, уберечь дорогого человека от злой судьбы и смертельной участи; свидетельство того, что человек слаб, и ему остаётся уповать на высшие силы. Психологическое давление на участников похода оказывает окружающая их обстановка: полк вынужден идти ночью, «рысью без дороги». Тёмное время суток традиционно считается порой пробуждения враждебных сил, когда человек особенно уязвим, беззащитен, слаб волей. Вспышки батарей, которыми «искрится лёд», – образ, не только передающий реалии военного времени, но и отражающий суматоху, растерянность, которые время от времени охватывали участников похода. Рисуя эти картины, поэт мастерски передаёт чувства тревоги и смутнения.

Кульминация произведения – твёрдая решимость полка смело идти в последнюю атаку: «Нас было мало, слишком мало, / От вражьи толп темнела даль... / Но твёрдым блеском засверкала / Из ножен вынутая сталь» [Там же]. Несмотря на очевидное численное преимущество противника (это художественно передано фольклорной гиперболой «от вражьи толп темнела даль»), полк не дрогнул: на фоне *темнеющей* дали *засверкало* оружие, и началась атака. Яркий образ, созданный благодаря «эмоциональному накалу метафоры» [5, с. 264], – *вскипающие воды* Сиваша. Он помогает поэту в создании поистине страшной картины последнего боя. Образ *вражьи толп* усилен до образа *орды* («орды вставал девятый вал»). Н. Н. Тuroверов переносит читателя во времена татаро-монгольского ига, таким образом исключительно точно выражая и отношение лирического героя к врагу, и степень угрозы. Интересна и метафора «девятый вал». Её активное употребление в поэзии начинается в XIX веке (А. С. Пушкин, К. С. Аксаков и др.) Повышенное внимание к этой метафоре возникает в связи с революционными событиями в России, ведь образ «девятого вала» – наивысшей угрозы, опасности – как нельзя лучше подходит для выражения сокрушительного судьбоносного удара, который испытала Россия. Используя эту метафору, Н. Н. Тuroверов следует традициям классической русской поэзии, а также отдаёт должное своему времени, события которого с потрясающей художественной силой реконструирует в творчестве.

Сознание лирического героя фиксирует отдельные детали картины боя, сливающиеся в единое эпическое полотно: вот казак рубит в последний раз, хрустит под копытом его лошади солончак, слышен храп коней, закричал сосед, сугроб залит кровью. Важная роль отведена звуковому сопровождению событий (звон, храп, крик). Читатель не только «видит» бой, но и «слышит» его.

Заключительная часть произведения уже не содержит сцен боя: Русская армия потерпела поражение, исход из Крыма неминуем. Как и в стихотворении «Крым», появляется образ народной песни: «О милом крае, о родимом / Звенела песня казака, / И гнал, и рвал над белым Крымом / Морозный ветер облака» [7, с. 321]. Возникает ощущение, что ветер «гонит» и «рвёт» не облака, а остатки уцелевшего полка, и казаки, даже осознав своё бедственное положение, находят опору в мыслях о доме, *поют* о нём.

В заключительных строках намечен будущий сюжет написанного в 1940 году стихотворения «Уходили мы из Крыма...»: прощание воинов со своими боевыми друзьями – лошадьми: «...Когда с прощальным поцелуем / Освободим ремни подпруг, / И, злым предчувствием волнуем, / Заржет печально верный друг» [Там же, с. 322]. Символично название произведения: перекоп – это не только географическая граница Крыма, но и последняя «черта», за которой лирического героя ждёт другая жизнь.

В стихотворениях «Крым» и «Перекоп» глазами участника Белого движения показаны события, происходившие на полуострове после поражения Русской армии. Автор невероятно точно при помощи различных деталей и художественных средств передаёт душевное состояние людей, столкнувшихся с тяжелым испытанием: потерей жизненного курса, утратой надежды повлиять на исторический ход событий в России. Интересно, что в более поздних сборниках произведение «Перекоп» публикуется как *поэма*. Жанр поэмы в творчестве Н. Н. Тuroверова имеет свои особенности:

- в небольшом по объёму повествовании затронуты глобальные проблемы мира и человека;
- лирическое начало превалирует над эпическим.

<sup>1</sup> Русской армией назывались переформированные Врангелем ВСЮР (Военные силы Юга России).

Последнее крымское произведение сборника «Путь» – стихотворение «Отплытие», в котором описан исход из Крыма. Это логическое завершение всего, что происходило до сих пор и освещено в произведениях «Крым» и «Перекоп». Эмоциональное состояние лирического героя выражают эпитеты «свинцовый небосклон», «стальные дельфины», «кровавая отвага». Последний день на Родине закономерно безрадостен; кажется, что в людях, покидающих Россию, жизнь остановилась: «Тишина переполненных палуб / Напряглась, как натянутый лук; / Напряглась и такую осталась / Тетива наших душ навсегда... / И, прощаясь с Россией навеки, / Я постиг, я запомнил навек / Неподвижность толпы на спардеке, / Эти слёзы у дрогнувших век» [Там же, с. 16]. Неестественная тишина, практически полная обездвиженность («ни криков, ни стонов, ни жалоб», только «дрогнувшие» веки) на переполненных людьми (!) палубах, колоссальное напряжение «тетивы душ» рисуют страшную картину безысходности и душевной «парализованности» не только самого лирического героя, но и всех изгнанников: форма множественного числа («наших душ», «запомним», «мы отдали») встречается у Н. Н. Тuroverova часто и показывает духовное единение народа, способствует художественному изображению грандиозного размаха исторических событий, усиливает эпичность происходящего. Лирический герой глубоко поражен обстановкой на отплывающем пароходе; он прощается с Россией уже не мысленно, как в заключительной части произведения «Крым», а физически – стоя на палубе и наблюдая за уходящим Аю-Дагом.

Крымский текст лирики Н. Н. Тuroverova возникает в связи с впечатлениями поэта от пребывания на полуострове в 1920 г. и представлен крымскими мотивами и образами, реалиями природы, универсалиями сосуществующих культур. В стихотворениях «Крым», «Перекоп», «Отплытие» отражена историческая панорама грандиозных страшных событий, охвативших Россию во время Гражданской войны. Крым для белых офицеров, в рядах которых сражался поэт, был последним пристанищем перед вынужденной эмиграцией, этим отчасти объясняется специфика крымского текста у Н. Н. Тuroverova. Цветущий южный край объят братоубийственной войной, реалии которой автор отражает живо и точно. Меткие эпитеты, яркие гиперболы и метафоры помогают поэту воссоздать облик Крыма времен Гражданской войны. Важной деталью поэтики автора является частотное употребление форм множественного числа, что является признаком глубокого равнодушия к судьбам соотечественников. Н. Н. Тuroverov создаёт небольшие по объёму произведения, в которых спрессованность событий и яркая палитра чувств лирического героя рисуют потрясающую читателя картину последних дней сопротивления Русской армии и её исхода.

#### *Список источников*

1. **Афанасьева С. И.** Концепт «дом» в русской лирике первой волны эмиграции: крымский дискурс: дисс. ... к. филол. н. Симферополь, 2014. 239 с.
2. **Дубинец З.** Крымский топос в творчестве Николая Тuroverova и Ивана Савина // Перекоп – ворота в Крым: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Армянск, 25-26 ноября 2015 г.). Армянск: Институт педагогического образования и менеджмента ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (филиал) в г. Армянске, 2015. С. 3-11.
3. **Лапасава Н. Б.** Мотив ухода из Крыма в поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-uhoda-iz-kryma-v-poezii-russkoj-emigratsii-1920-30-h-godov> (дата обращения: 31.03.2017).
4. **Любый А. П.** Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 2003. 20 с.
5. **Науменко-Порохина А. В.** Крымские мотивы в лирике Н. Тuroverova 20-х годов (сборник «Путь» – Париж, 1928 г.) // И. С. Шмелев и литературный процесс XX-XXI вв.: итоги, проблемы, перспективы. М.: Российский фонд культуры, 2004. С. 262-265.
6. **Ранчин А. М.** Поэзия Николая Тuroverova. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42234.php> (дата обращения: 25.10.2015).
7. **Тuroverov Н. Н.** Возвращается ветер на круги свои... М.: Художественная литература, 2010. 416 с.
8. **Тuroverov Н. Н.** Путь. Париж, 1928. 47 с.

#### THE CRIMEAN TEXT IN N. N. TUOVEROV'S COLLECTION OF POEMS "THE WAY" (1928)

**Krotova Anna Andreevna**  
*Moscow State Pedagogical University*  
*phaelivrin@mail.ru*

The Crimean text represents a significant part in the poetic heritage of N. N. Turoverov, who was a white officer, a Don Cossack emigrant of the first wave. The article deals with the peculiarities of the formation of the Crimean text in N. N. Turoverov's first collection of poems "The Way" (1928). Such Crimean poems as "Crimea", "Departure" and "Digging" included in this collection served as a material for the article. The author analyzes these works in detail, studies their poetics, and identifies the cultural and historical prerequisites for the origin of the Crimean text in N. N. Turoverov's creative work.

*Key words and phrases:* Crimea; the Crimean text; N. N. Turoverov; poetics; lyrical hero; emigration; Russian-language literature abroad; the Don Cossacks.